

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

DOI: 10.31857/S086919080002872-6

НИЛ СЕРГЕЕВИЧ ЛЫКОШИН: ОТ САМАРКАНДСКОГО ВОЕННОГО
ГУБЕРНАТОРА ДО СОВЕТСКОГО ПРОФЕССОРА

© 2018

О. Г. ПУГОВКИНА

Институт истории Академии наук Республики Узбекистан
Ташкент, УзбекистанORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7420-8897>; pugovkina@yandex.ru

Резюме: В историю русского туркестановедения вписаны имена многих известных деятелей, которые жили и работали в Туркестане после его завоевания Российской империей. Одной из таких интересных и знаковых фигур был Н.С. Лыкошин, который смог за 40 лет своего пребывания в крае (1880–1920) сделать военную карьеру, поднявшись от помощника начальника города Ташкента до военного губернатора Самаркандской области. Несмотря на то что исполнение служебных обязанностей в системе управления краем отнимало много времени и сил, Н.С. Лыкошин успевал заниматься научными изысканиями и был из числа тех немногих, кто, приехав в Туркестан, выучил местные языки. Им было написано более 700 статей по различным вопросам истории, этнологии, образования, культуры народов Средней Азии. Особую известность среди востоковедов приобрели его переводы таких восточных рукописей, как «Кодекс приличий на мусульманском Востоке», «Дивана-и-Маишраб», «История Бухары» Мухаммада Наршахи. После установления советской власти в Туркестане Н.С. Лыкошин смог продолжить свою службу в этом крае в системе народного просвещения. Он усердно изучал языки и обычаи народов Туркестана, читал просветительские лекции в университетах Ташкента; новая власть обращалась к нему как знатоку быта и традиций местного населения. Однако в результате начавшейся борьбы с «бывшими» в Туркестане Н.С. Лыкошин был выслан в Самару. По окончании срока наказания в Самаре, благодаря протекции В.В. Бартольда, он смог продолжить работу преподавателя в Самарском университете, дослужившись до звания профессора, читая свои увлекательные курсы по истории туркестановедения.

Ключевые слова: Туркестан, Н.С. Лыкошин, биография, туркестановедение, военный губернатор, карьера, Самаркандская область, Самара, преподавание, советская власть.

Для цитирования: Пуговкина О.Г. Нил Сергеевич Лыкошин: от Самаркандского военного губернатора до советского профессора. *Восток (Oriens)*. 2018. № 6. С. 124–141. DOI: 10.31857/S086919080002872-6

Благодарность: Автор статьи выражает благодарность Александру Моррисону и Джеффу Сахадео за ценные советы и рекомендации по публикуемому материалу. Отдельная благодарность Ольге Леонтьевой за предоставленные архивные материалы о жизни Н.С. Лыкошина в Самаре.

NIL SERGEEVICH LYKOSHIN:
FROM SAMARKAND MILITARY GOVERNOR TO SOVIET PROFESSOR

Oksana G. PUGOVKINA

Institute of History at National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek,
Tashkent, UzbekistanORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7420-8897>; pugovkina@yandex.ru

Abstract: *The history of Russian Turkestan is connected to the names of many famous Orientalists who started their activities in Turkestan after the Russian Empire's conquest of the region. One of these interesting and iconic figures was Nil S. Lykoshin, who resided in the region for forty years (1880–1921); Lykoshin rose through the ranks from assistant chief of Tashkent city to the office of military governor of Samarkand district. Next to his military and administrative duties, Lykoshin continued to conduct scholarly work, and was one of the few Russian administrators who made the effort to learn the local languages. He produced over 700 articles on various aspects of the history, ethnology, education and culture of Central Asian peoples. Orientalists respected him for his translations of Oriental manuscripts, including the “Code of Decency in the Muslim East”, “Divana-i-Mashrab”, and Muhammad Narshakhi’s “The History of Bukhara”. After the establishment of Soviet power in Turkestan Lykoshin continued his service in the system of public education. He held lectures at the Central Asian State University (Sredneaziatiskii gosudarstvennyi universitet), and the new powerholders regularly requested his expertise on the life and traditions of the local populations. However, Lykoshin also became an early victim of Bolshevik repression against representatives of the former regime, and was exiled to Samara. After the end of his exile term (and with the help of his patron, Academician Vasily V. Bartold) Lykoshin managed to obtain a position as teacher at the Samara University, where he read courses on the history of Turkestan studies and eventually became professor.*

Keywords: Turkestan, N.S. Lykoshin, biography, Turkestan studies, military governor, career, Samarkand district, Samara, teaching, Soviet rule.

For citation: Pugovkina O. G. Nil Sergeevich Lykoshin: from Samarkand military governor to soviet professor. *Vostok (Oriens)*. 2018. No. 6. Pp. 124–141. DOI: 10.31857/S086919080002872-6

Acknowledgements: The author of the article is grateful to Alexander Morrison and Jeff Sahadeo for valuable advice and recommendations on the published material. A special gratitude to Olga Leonteva for the provided archival materials about the life of N.S. Lykoshin in Samara.

Служил я в Туркестане почти все время по военно-народному управлению
и, последовательно, прошел все должности в администрации.
Я всегда старался добросовестно исполнять свои обязанности службы,
но досуги были мои: ими я пользовался для изучения местных наречий
и быта туземного населения, в чем и специализировался,
насколько это представилось возможным.
Жизнеописание Н.С. Лыкошина

Оглядываясь назад, я всегда вижу отца и думаю, что всем хорошим,
что было во мне, я обязана ему. Он привил нам – дочерям, свою
скромность, уважение к простым людям, любовь к труду,
большую работоспособность, несмотря на наше дворянское
происхождение и то, что он был генералом.
Софья Ниловна Лыкошина
15.06.1967

Нил Сергеевич Лыкошин – фигура знаковая в истории Туркестанского края. Он является ярким примером того, как можно было здесь, на окраине Российской империи, да еще в очень непростое время, совмещать науку и служение родине, изучать местные языки, традиции, культуру, оставив добрую память о себе.

...КОГО ЖИЗНЬ НЕ ВОЗНОСИЛА НА ГРЕБЕНЬ И НЕ ВВЕРГАЛА В ПУЧИНУ

Н.С. Лыкошин родился в Псковской губернии, в семье потомственных дворян. Его отец был мелкопоместным обедневшим дворянином, кавалерийским офицером. Он рано

ушел из жизни, оставив вдову, Софию Ивановну, с тремя маленькими детьми¹. София Ивановна, в девичестве Семевская, была родной сестрой известных российских историков², которые сыграли значительную роль в судьбе не только Нила Сергеевича Лыкошина, но и его брата – Александра Сергеевича. Они помогли племянникам получить хорошее образование, а также способствовали формированию мировоззрения молодых людей.

Так, Нил Лыкошин был «выписан» в Петербург и устроен на полный пансион во Вторую Санкт-Петербургскую военную гимназию. Софья Ниловна, дочь Нила Сергеевича Лыкошина, так писала об этом в своих воспоминаниях: «Пришло время учения. Михаил Иванович Семевский написал сестре, чтобы она прислала Нилушку в Петербург, где он хотел устроить его учиться. Мать сшила ему новую рубашку, привела его на вокзал и посадила в вагон третьего класса. Он был так испуган массой народа, что сейчас же забился под скамейку и ехал под ней до самого Петербурга» [ЦГА РУз., ф. Р-2773, оп. 1, д. 1172, л. 49].

После окончания гимназии и Первого Павловского военного училища перед двадцатилетним Нилом Лыкошиным встает вопрос: а что же дальше? Для таких, как Н.С. Лыкошин, обедневших дворян, служба на колониальных окраинах была разумным выходом из положения. В частности, Туркестан был идеальным местом: там можно было сделать карьеру и добиться финансового благополучия. На азиатских землях шел активный процесс укрепления новой власти, и там власти стремились увеличивать численность русских подданных. Софья Ниловна в воспоминаниях писала: «К выходу в офицеры возник вопрос как быть. Товарищи отца выходили в привилегированные военные части, но у них были деньги. У отца же ничего не было. Он узнал, что идет набор артиллеристов в Среднюю Азию и решил ехать в Ташкент» [ЦГА РУз., ф. Р-2773, оп. 1, д. 1172, л. 49–50].

Американский журналист А. Мак-Гахан в 80-х гг. XIX в. так писал о предназначении Туркестана: «Туркестан в новейшее время играет роль прежнего Кавказа, представляя готовое убежище для тех, кто растратил свое состояние, но еще не лишился последней надежды, о будущем никто из них не заботится, порешив пользоваться лишь настоящим, все ведут ту же бродяжническую жизнь» [Мак-Гахан, 1875, с. 217].

Так Туркестан стал «судьбой» Н.С. Лыкошина: здесь сложилась его карьера, здесь он увлекся изучением языков и культур народов Средней Азии, состоялся как ученый (Б.В. Лунин называл его – «автодидакт»), нашел спутницу жизни³, здесь родились его дочери. 40 лет Н.С. Лыкошин был неразрывно связан с этим краем.

¹ Подробно о том, как жила вдова с детьми, в каких бедственных условиях она оказалась после смерти главы семьи, описывала Софья Ниловна Лыкошина в своих воспоминаниях: «После смерти мужа София Ивановна поступила экономкой в имение Воронцова. Это, конечно, было большой удачей для нее, так как со своими тремя детьми она получила кров над головой и смогла прокормить их» [ЦГА РУз., ф. Р-2773, оп. 1, д. 1172, л. 48]. Этот вариант воспоминаний, скомпонованный и отпечатанный на машинке, был обнаружен автором данной статьи в личном фонде Михаила Евгеньевича Массона (Р-2773). Анализ фонда позволяет судить о том, что М.Е. Массон поддерживал постоянную переписку с родственниками не только Н.С. Лыкошина, но и В.П. Наливкина, Н.Г. Маллицкого.

² Михаил Иванович Семевский – русский историк, издатель исторического журнала «Русская старина». Василий Иванович Семевский – русский историк, профессор, видный представитель народнического направления русской историографии.

³ Супруга, Елена Андреевна Александрова, окончила женскую гимназию. На момент замужества ей было 19 лет. Она была дочерью простого кантониста (впрочем, в материалах архива мы находим данные о том, что ее отец дослужился до надворного советника). С одной стороны, брак был невозможен в силу неравного положения супругов, так как девушка не была дворянского рода, с другой – у Н.С. Лыкошина не было денег для «реверса» с целью обеспечения семьи в количестве 5000 руб. Но все сложилось благополучно благодаря добрым людям. В частности, Софья Ниловна упоминает Девеля, ссудившего Лыкошину искомую сумму и еще долгие годы поддерживавшего его: «Девель был виновником этого брака и счастья нашей семьи».

Карьерный рост Нила Сергеевича Лыкошина позволяет говорить о том, что судьба была к нему благосклонна: начав подпоручиком в 1880 г., он к 1913 г. дослужился до генерал-майора. Апогеем его воинской карьеры стала должность военного губернатора Самаркандской области.

Из материалов личного дела:

«В 1880 г. переведен во Вторую Туркестанскую артиллерийскую бригаду;

1882 г. – прикомандирован для несения службы в I батальон Первой туркестанской бригады;

1883 г. – поручик;

1888 г. – за отличие по службе переведен в штабс-капитаны;

1889 г. – командирован на службу по административно-полицейскому управлению краем;

1889 г. – Уратюбинский участковый пристав;

1890 г. – и.д. помощника начальника Ташкента;

1893 г. – заведующий Временной Азиатской частью Ташкента;

1895 г. – полицмейстер туземной части Ташкента;

1897 г. – Помощник начальника Чимкентского уезда;

1902 г. – и.д. Комиссара временной поземельной податной комиссии Самаркандской области, произведен в подполковники;

1906 г. – Ходжентский уездный начальник;

1907 г. – возвращен в Ташкент для участия в комиссии по приему имения великого князя в Голодной Степи, произведен в полковники;

1909 г. – назначен почетным блюстителем Ходжентских училищ, приходских и русско-туземных школ;

1912 г. – начальник Амударьинского отдела, к 1913 г. произведен в генерал-майоры;

1914 г. – военный губернатор Самаркандской области, уволен со службы от 16 февраля 1917 г. [ЦГА РУз., ф. И-1, оп. 36, д. 308, л. 187–199].

Военные успехи Н. Лыкошина определялись не протекциями, а лишь его личными способностями, исполнительностью и старательностью в отношении служебной деятельности. Он именно так понимал свой гражданский долг перед отечеством – Российской империей – на этой азиатской окраине. Б.В. Лунин, один из первых исследователей биографии Н.С. Лыкошина, отмечал, что «он, можно сказать, поднялся к “верхам” этой администрации с “низов” служебной лестницы: от рядового чиновника до начальника Амударьинского отдела, а впоследствии до военного губернатора Самаркандской области» [Лунин, 1965, с. 207].

История края показывает, что не всякий колониальный чиновник, прибывший в Туркестан, смог оставить о себе добрую славу⁴. По приезде в Туркестан он начинает изучать местные языки. На первых порах ему помогал специально приглашенный мулла, но позже он постигал языки уже самостоятельно.

Н.С. Лыкошин был одним из немногих чинов администрации Туркестана, получавших повышенное жалование только благодаря владению местными языками. Туркестанская колониальная администрация всеми силами поощряла их изучение, но лишь едини-

⁴ В начале 2000-х гг. одна из моих статей была опубликована на сайте «Мой Ташкент». Поступали различные комментарии, но один (Rafoat: 16/12/2008 в 11:20) особо привлек мое внимание. Писали из Ходжента: «Оксана, здравствуйте! Я также интересуюсь деятельностью Н. Лыкошина. Прочитав однажды про него, я просто в восхищении от того, сколько он сделал для народа Туркестанского края, в частности для Ходжентского уезда. Под деревьями, высаженными в парке по его инициативе, любят прогуливаться отдыхающие ходжентцы. А библиотека, начало которой было положено им, до сих пор служит населению. Это был удивительный человек, влюбленный в Туркестан, об этом свидетельствует вся его деятельность.[...] С уважением, Рафоат Алиева [http://mytashkent.uz/2007/11/06/plan-spetskursa-istoriya-turkestana/#comments].

цы из российских чиновников края могли общаться с местным населением на их родных языках.

Казалось бы, зачем человеку, у которого так успешно складывается служебная карьера, в этой среднеазиатской глуши тратить время и силы на изучение местных наречий, перевод восточных рукописей и ряд других ненужных военному делу? Необычайная трудоспособность Н.С. Лыкошина поражала многих его современников и вызывала недоуменные вопросы: как ему все удастся? На что он неизменно отвечал: «Когда мои товарищи играли в карты и пили, я учился и писал» [*Труды САГУ...*, 1957, с. 9]. И естественно, его энергия и усердие не оставались без внимания высшего руководства края.

Софья Ниловна вспоминала, что когда «в старом городе началась холера, возникли беспорядки (1892 г. – *О.П.*), отца, видимо, как знающего языки и умевшего уладить все неприятности, назначили туда» [*ЦГА РУз.*, ф. Р-2773, оп. 1, д. 1172, л. 53]. Из послужного списка Н.С. Лыкошина видно, что он, как правило, долго не засиживался на одном месте. Шла постоянная ротация с одного места службы на другое.

Примечательна и завершающая военную карьеру Н.С. Лыкошина история его выдвижения на должность военного губернатора Самаркандской области, которую он занял 22 апреля 1914 г. На это место было два кандидата – Лыкошин и Нечаев, которого продвигал Санкт-Петербург. Окончательное решение по данному вопросу должен был принять тогдашний генерал-губернатор Туркестана – А.В. Самсонов. Сделав свой выбор в пользу Н.С. Лыкошина, он объяснил свое решение тем, что «по своим служебным и нравственным качествам он, безусловно, заслуживает этого более, нежели человек со стороны» [*ЦГА РУз.*, ф. И-1, оп. 28, д. 1473, л. 3]. После избрания Н.С. Лыкошина военным губернатором по Ташкенту поползли завистливые перешептывания, что мол «это – плебей, а прежде во главе Самаркандской области стояли очень значительные люди» [*Труды САГУ...*, 1957, с. 9].

Служба Н.С. Лыкошина на посту военного губернатора пришлась на годы Первой мировой войны. Учитывая всю сложность ситуации – экономический кризис и возрастающее недовольство народа рекрутированием на тыловые работы, – Н.С. Лыкошин проводил либеральную политику, по возможности стремясь нанести меньше урона как области, так и ее жителям. Однако два события поставили «крест» на дальнейшем пребывании Н.С. Лыкошина в должности военного губернатора: Джизакское восстание 1916 г. и «обвинение в сахарных спекуляциях».

В своих воспоминаниях Софья Ниловна так описывала это время: «Война развертывалась. Начали набирать людей на тыловые работы. Отец написал Куропаткину большую докладную записку, почему этого нельзя делать в Азии. Но конечно никто на это не обратил внимание. Вспыхнуло Джизакское восстание. Куропаткин отставил отца и послал Иванова, который жестоко расправился с жителями. В первый день после восстания отец, вызванный Куропаткиным, оставался в Джизаке и беседовал с жителями. Скоро отец был вызван Куропаткиным в Ташкент и там подал в отставку» [*ЦГА РУз.*, ф. Р-2773, оп. 1, д. 1172, л. 77].

5 января 1917 г. Н.С. Лыкошин был вызван в Ташкент, где ему было предъявлено обвинение в сахарных спекуляциях. Материалы его дела тем не менее свидетельствуют о том, что Н.С. Лыкошин своей властью понизил цены на сахар на базарах, чтобы как раз не допустить спекуляций. Высшая администрация края поспешила вынести обвинения в его адрес, газеты пестрели заметками о предании Н.С. Лыкошина суду. Сам он не сомневался, что все дело было сфабриковано, о чем и написал в личном письме туркестанскому генерал-губернатору А.Н. Куропаткину: «Люди, ведшие мое дело – Радзевский и Ерофеев – сгустили краски. Вместе с тем сахарное дело не пошло лучше. Сахара много, но туземное население как его не получало, так и не получает. Вы (А.Н. Куропаткин. – *О.П.*) сказали мне, что считаете мою репутацию безупречной, просили не беспокоиться

за свое будущее, т.к. Вы будете мне поддержкой в каждом хорошем деле. От Вас я видел только самое предупредительное внимание, посторонние замечали, как Вы хорошо ко мне относитесь, да может быть и завидовали некоторые, на которых Вы почему-то обращали меньше внимания, ведь служащие так ревнивы к вниманию начальства» [ЦГА РУз., ф. И-1, оп. 28, д. 1473, л. 83об].

Н.С. Лыкошин просил А.Н. Куропаткина разобраться в его деле: «Я мог бы еще принести немало пользы родному краю. Я уверен, что моя деятельность в крае заслуживает того, чтобы к моей личности отнеслись внимательно, хотя бы для поддержания общего престижа власти в крае» [там же, л. 83–86].

В Самаркандскую область планировался приезд прокурора судебной палаты А.И. Адамова, с именем которого Нил Сергеевич связывал положительное разрешение своего дела. Однако власти края боялись уронить свой авторитет, и вполне объяснимо, что с Н.С. Лыкошиным было решено распрощаться. Тем более ситуация складывалась явно не в пользу не только Лыкошина, но и всей имперской власти в Туркестане: народные волнения, продолжающаяся война, накал революционной борьбы. Вполне вероятно, коль скоро это дело получило широкую огласку и было связано со столь высокой персоной, как военный губернатор области, было принято решение убрать главу области и таким образом попытаться сохранить престиж российской власти в крае. А.Н. Куропаткин предложил Н.С. Лыкошину выбрать что-то одно: либо добровольная отставка, либо отчисление от должности.

7 января 1917 г. Н.С. Лыкошин был уволен с должности по болезни. Ему было 57 лет. К «закату» своей стремительной карьеры он не имел ничего: ни большого состояния, ни недвижимости – ничего, кроме расстроенного здоровья. В разъездах по краю он приобрел трахому глаз и стремительно терял зрение. После отставки семья Лыкошиных переехала из Самарканда в Ташкент. Приближались Февраль и Октябрь 1917 г. Жизнь круто менялась, начинался следующий этап биографии Н.С. Лыкошина.

ПЕРВЫЕ УЧИТЕЛЯ И ПЕРВЫЕ НАУЧНЫЕ ИЗЫСКАНИЯ

Значительную роль в становлении Нила Сергеевича как исследователя-туркестановеда сыграли два известных российских востоковеда – Николай Петрович Остроумов и Василий Владимирович Бартольд, а еще его исследовательский энтузиазм и тяга к научной деятельности.

Сам он так объяснял свой интерес к изучению быта и истории народов Средней Азии: «Знание жизни, нравов, характера того народа, с которым суждено жить вместе, должно составить насущную потребность, вызвать посильные труды к познанию не только их современного положения, но и прошлого» [Лыкошин, 1894, с. 1].

Первым учителем Н.С. Лыкошина стал Н.П. Остроумов, о котором, возможно, он был слышан и ранее, а по приезду в край читал его статьи в «Туркестанских ведомостях», изучал работы, поэтому вполне объяснимо, что именно к нему первому Лыкошин обратился за помощью в своих научных изысканиях. Николай Петрович стал его наставником, и с ним Н.С. Лыкошин до конца своих дней поддерживал самые теплые и дружеские отношения⁵.

В дневнике Н.П. Остроумова так описана первая встреча с Н.С. Лыкошиным: «16 июня. Суббота. Вечером приходил ко мне полицмейстер туземной части, молодой офицер Н.С. Лыкошин и просил указать относительно изучения местным языкам и быта ташкентских сартов. Я был рад своему посетителю и обратил его внимание на

⁵ Об этом позволяют судить письма, хранящиеся в личном фонде Н.П. Остроумова – ЦГА РУз., ф. И-1009, оп. 1, д. 29.

особенно важные стороны их быта, на их религиозные верования. Я дал ему две книжки и рекомендовал приобретать необходимые пособия для дальнейших самостоятельных занятий... Он принял мои указания и просил не отказывать ему в помощи. В лице Лыкошина я встретил серьезного способного [человека] с которым можно было говорить о русских задачах при управлении ташкентскими туземцами» [ЦГА РУз., ф. И-1009, оп. 1, д. 29].

В своей неопубликованной работе «50-летие русского управления в Туркестане (1867–1917)» Н.П. Остроумов выделял Н.С. Лыкошина из общей массы администраторов Туркестана, кто, получив назначение на должность, «занимался языком, достигнув практически хороших результатов» [ЦГА РУз., ф. И-1009, оп. 1, д. 104, с. 28–29]. И вся эта работа по самообразованию проводилась Нилом Сергеевичем в свободное от исполнения своих прямых обязанностей время.

Имеющаяся в личном архиве Н.П. Остроумова переписка с Н.С. Лыкошиным позволяет воссоздать картину взаимоотношений этих двух увлеченных изучением Средней Азии людей, увидеть степень влияния одного на другого, желание старшего помочь в профессиональном росте молодому коллеге. Н.С. Лыкошин начинает писать небольшие заметки и статьи, публиковать их в местной периодической печати. За 40 лет своего пребывания в крае он объездил его весь, собирая материал, который казался ему интересным с научной точки зрения или просто познавательным.

Хорошо овладев местными языками, Н.С. Лыкошин не без поддержки Н.П. Остроумова приступил к своему первому опыту перевода рукописей – «Автобиографии Тамерлана» (об этом подробнее см.: [Лунин, 1965, с. 208–216; *Труды САГУ...*, 1957, с. 8–11]). Как писал Б.В. Лунин, этот первый опыт был не особо удачен, его перевод был подвергнут критике известным востоковедом Н.И. Веселовским, что, однако, не остановило Лыкошина. Он много работал над собой, изучил значительное количество литературы и благодаря своему упорству и огромному трудолюбию достиг значительных результатов. Н.П. Остроумов направлял Н.С. Лыкошина в его научной работе: «Изнывая от жары, взялся за Машраба⁶, на перевод которого уже давно получил Ваше благословение» [ЦГА РУз., ф. И-1009, оп. 1, д. 29, л. 21].

За первое десятилетие XX в. Н.С. Лыкошин перевел такие восточные рукописи, как: «Кодекс приличий на мусульманском Востоке», «Рисалля-Тарикат Мухаммад Мазгарил-Ахмади», «Премудрость Хазрат-Султана Арифини-ходжа-Ахмада Яссави», «Дивана-и-Машраб (Жизнеописание популярнейшего представителя мистицизма в Туркестанском крае)» и получил позитивные отклики именитых востоковедов.

Дружба, возникшая между исследователями, продолжалась долгие годы и особенно проявлялась в горестные моменты. Поддерживая своего учителя, когда умерла его супруга Ольга Дмитриевна, он писал: «Мы накопили достаточно добрых дел, с которыми не страшно идти туда, откуда еще никто не приходил, бояться нечего. Когда вспоминаете о своем горе, вспоминайте о пережитых счастливых минутах» [ЦГА РУз., ф. И-1009, оп. 1, д. 29, л. 21].

Позднее, когда Н.С. Лыкошин находился в Самарской ссылке, Н.П. Остроумов поддерживал его. В письмах, адресованных Н.П. Остроумову, Нил Сергеевич почтительно подписывался: «пиру от мюрида». Эти люди были проникнуты культурой Востока, говорили на одном языке и прекрасно понимали друг друга.

При покровительстве другого именитого ученого – В.В. Бартольда – Нилом Сергеевичем был выполнен перевод сочинения Мухаммада Наршахи «История Бухары».

⁶ Перевод сборника «Дивана-и-Машраб» Н.С. Лыкошиным с его примечаниями был опубликован в газете «Туркестанские ведомости» (1902, №№ 11, 35, 53, 61, 78), а позднее вышел отдельным изданием [Дивана-и-Машраб..., 1916].

Прежде чем опубликовать очередной перевод, Н.С. Лыкошин всегда ждал оценки В.В. Бартольда. В письме к Остроумову он обращался: «Николай Петрович! Посмотрите эти 4 листа «Истории Бухары», отправляемые В.В. Бартольду и не отдавайте на отгиск до прихода ответа его» [ЦГА РУз., ф. И-1009, оп. 1, д. 29, л. 8–9].

По воспоминаниям дочери, Нил Сергеевич очень дружил с Василием Владимировичем: «Их сближали общие научные интересы – этнография Туркестана. И мне казалось, что Бартольд любил отца. Когда он умер, и Василий Владимирович приехал в Ташкент, я получила от него телеграмму с просьбой разрешить посетить меня в Ашхабаде. Он прожил у меня около недели. С большим теплом вспоминал об отце» [ЦГА РУз., ф. Р-2773, оп. 1, д. 1172, л. 80].

При поддержке этих двух известных и талантливых ученых Н.С. Лыкошин продолжал успешную переводческую работу: он переводил не только восточные рукописи на русский, но и отдельные статьи и книги – с русского на восточные языки, так как они имели практическое применение в хозяйстве местного населения: «Как водить пчел» А.М. Бутлерова (1897), «Как применять минеральные удобрения в Туркестане» А.А. Александрова (1909) и др.

Особую часть историографического наследия Нила Сергеевича Лыкошина составили статьи и заметки, которые он печатал в газетах «Туркестанские ведомости», «Окраина», «Самарканд», «Русский Туркестан».

Анализ его статей показывает, что в сфере его интересов были все стороны жизни Туркестанского общества: кредитная система, уровень жизни местного населения, переселенцы и переселенческая политика, судебное устройство, воспитание детей, положение отставных чинов русской армии, призрение больных, борьба с саранчой – список можно было бы продолжить. В них со всей яркостью раскрывался талант Н.С. Лыкошина как способного и хваткого публициста, остро реагирующего на «реалии современной ему жизни» и умеющего все это преподнести читателю. Такая творческая «плодовитость» и разнообразие тем вынуждали его прибегать к различным псевдонимам. На сегодняшний день выявлено 11 псевдонимов, которыми он подписывался, причем каждый из них нес определенную смысловую нагрузку.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ В ТУРКЕСТАНЕ (1917–1920)

Февральская революция 1917 г. вызвала оживление во всех слоях туркестанского общества. Деятельная натура Н.С. Лыкошина не позволяла ему остаться в стороне от политической борьбы в Туркестане, и он принимает решение выдвинуть свою кандидатуру на выборах городского головы Ташкента от партии «Шурои Улема». Газета «Улуг Туркистон» от 24 апреля 1917 г. писала: «Общество Уламо хотят сделать главой (Ташкента) одного человека, которого звать Лыкошин. Однако Просветители сказали, что этот человек является сторонником царя Николая II и в период старой власти был вредным для мусульман. В прошлом году играл важную роль в беспощадном подавлении Джизакской трагедии против призыва на тыловые работы. Споры были очень сильными, и фракции Уламо пришлось отозвать кандидатуру Лыкошина» [Улуг Туркистон, 1917, 24 апреля].

О бурных дебатах при обсуждении кандидатуры Н.С. Лыкошина отмечалось и в печатном органе Советов – «Нашей газете»: «На вопрос председателя имеются ли другие кандидаты, Улема падает бумагу. Председатель читает заявление Лыкошина (бывшего Самаркандского губернатора) о его желании баллотироваться на должность городского головы. Заявление Лыкошина вызывает движение во всей зале. Только улемовцы невозмутимо сидят на своих местах.

Товарищ Токайшвили от имени социал-демократической фракции протестует против кандидатуры Лыкошина, бывшего ставленника царского самодержавия.

Товарищ Кириллов от фракции социал-революционеров присоединился к заявлению социал-демократической фракции.

Председатель фракции объединенных мусульман заявляет, что фракция считает позором кандидатуру Лыкошина, представителя старой власти, бывшего Самаркандского военного губернатора, который не принял никаких действий к подавлению Джизакского беспорядка. Фракция считает, что в организации этих беспорядков есть доля участия самого Лыкошина (бурные аплодисменты левой публики).

Представитель фракции Улема заявляет, что, несмотря на поступившие заявления, фракция настаивает на кандидатуре Лыкошина.

Товарищ Парфенов от имени социал-демократической фракции заявляет, что если Улема не снимет кандидатуру Лыкошина, то фракция покинет зал заседаний. Улема решил кандидатуру не снимать» [*Наша газета*, № 98, 1917, 20 августа].

Остается загадкой, почему Н.С. Лыкошин согласился на столь «провальное» мероприятие, когда уже началась борьба с бывшими царскими чиновниками, еще свежи были воспоминания о событиях восстания 1916 г. и роли в них бывшего Самаркандского военного губернатора. Вполне возможно, что свою роль сыграли послереволюционная лихорадка, новые демократические идеи «Великой Российской революции», как он называл ее. Скорее всего Нилом Сергеевичем двигало желание, став городским головой, принести на этом посту пользу ставшему родным краю. О каких-либо иных его шагах в этот период ничего не известно.

Следующий этап жизни Н.С. Лыкошина связан с Октябрьским переворотом в Туркестане. Он, как и большая часть местной интеллигенции, несколько иначе видел будущее края. В своей «Автобиографии» (1919) Н.С. Лыкошин объяснял невозможность своего участия в партийной работе «преклонным возрастом», поэтому отстранился от политической жизни в Туркестане: «не принимал участия ни в Октябрьском перевороте 1917 г., ни в только что ликвидированном январском мятеже» [ЦГА РУз., ф. Р-2773, оп. 1, д. 1172, л. 135].

Послеоктябрьский период в жизни Н.С. Лыкошина в основном отмечен педагогической и просветительской деятельностью. В его неопубликованной автобиографии мы читаем: «5 января 1917 года незадолго до Великой Российской революции я оставил службу по расстроенному здоровью. К службе я был не годен, а работать на пользу края все еще хотелось. Хотелось поделиться с другими долголетним опытом, приобретенными сведениями о жизни населяющих Туркестанский край народностей. К этому представился случай: революционная власть открыла в Ташкенте Народный Университет, я сделался там преподавателем тюркского языка и этнографии. Я читал лекции в Центральном Университете в здании Второй женской гимназии и в отделении университета для рабочих, в Лермонтовском училище.

С чувством полного удовлетворения должен упомянуть здесь еще о пережитых на старости лет мною удачах. Путем газетных статей и личных бесед мне удалось доказать, что реформа новой школы должна коснуться введения во все школы народоведения Туркестана, как обязательного предмета, наравне с тюркским государственным языком. Кроме того, курс этнографии Туркестана мне удалось приспособить к пониманию детей всякого возраста.

К осени нужно было себе приискать другое занятие, и после окончания летнего семестра в университете и работы на детских площадках я поступил конторщиком-переводчиком в Совет Народного Производства по кожевенному отделу... Прослужив здесь 4 месяца, я оставил службу в этом учреждении ввиду приглашения меня преподавателем тюркского языка в опытную трудовую школу в Педагогическом училище в Пе-

дагогическом городке имени Н.Г. Полторацкого. Вместе с тем я преподавал народоведение в Педагогическом училище и на командных курсах Красной Армии» [ЦГА РУз., ф. Р-2773, оп. 1, д. 172, л. 133–135].

Послеоктябрьский период жизни Н.С. Лыкошина в Туркестане со всей очевидностью показал, насколько полезен и необходим он был здесь. Лекции, которые он читал в учебных заведениях, пользовались большой популярностью. Хорошее знание языков, истории и культуры края позволяла до такой степени увлечь слушателей, что они просили докладчика продолжать чтение или даже приходили послушать его лекции взамен других лекторов.

В 1918–1920 гг. Н.С. Лыкошин преподавал в Педагогическом училище им. Полторацкого, читал этнографию и тюркский язык в Ташкентском среднем железнодорожном училище, в школе им. Пржевальского и школе им. Ковалевской [ЦГА РУз., ф. Р-2499, оп. 1, д. 2, л. 1–3].

Вот выдержки из «Автобиографии» Н.С. Лыкошина тех лет: «Советская власть в Туркестане, очевидно, признала за мной название знатока Туркестана, ко мне обращаются как к эксперту, и я делаю в этом отношении что могу»;

«Как уполномоченный в центре тов. Троцкий был у меня перед отъездом в Москву для ознакомления с характеристикой связи Туркестана с Россией»;

«ЦИК поручил мне выработать Декрет о введении в крае государственного языка – тюркского».

«Редактирую переводы книг по поручению Комиссариата Народного Образования для чтения туземному пролетариату на родном языке» [ЦГА РУз., ф. Р-2499, оп. 1, д. 4, л. 1–4].

Одновременно он активно сотрудничал с такими газетами и журналами, как «Туркестанское слово», «Туркестанский Голос», «Туркестан», «Советский Туркестан», «Народный университет», «Просвещение», «Вестник просвещения и коммунистической культуры», «Коммуна» и др.

В газетных статьях он предлагал читателям задуматься над тем, какой быть новой советской школе. Он пытался доказать, что реформа новой школы должна предусматривать и введение нового предмета – народоведения как обязательного предмета наравне с тюркским государственным языком.

Он разработал курс этнографии Туркестана, доступный для понимания детей различного возраста. Свои методики он апробировал в ходе работы летом 1918 г. с детьми рабочего квартала на Марининской площадке, в ходе проведения этнографических бесед. Для детей дошкольного и младшего школьного возраста он рассказывал и читал узбекские сказки, а для подростков – общедоступные рассказы из жизни местных народов. Причем Н.С. Лыкошин полагал, что на этом останавливаться не стоит, надо идти дальше и обучать русских детей местным языкам. Ряд его статей (например: Этнография в школах [Народный университет, № 62, 19 июля], Сказка, как учебный материал [Просвещение, 1918, № 22]) был посвящен именно этой тематике. По его мнению, только через изучение другой культуры, языка, быта можно лучше понять тот народ, с которым суждено жить вместе. Он предлагал давать русским детям как можно больше информации о местной культуре, традициях, образе жизни. И в этом отношении лучшим средством изучения другой культуры именно для детей являлась сказка.

Уже в 1918 г. он разработал курс по этнографии узбекского народа, который он уже тогда, задолго до размежевания, выделил из общей массы народов Средней Азии. Он писал о парадоксальной ситуации, когда в курсе изучаемых предметов для русских учителей отсутствовал предмет «Этнография местного населения», в то время как для местных учителей читались лекции и по этнографии узбеков, и по этнографии казахского народа. Он предлагал пересмотреть такое положение: «При настоящих условиях нам, рус-

ским, необходимо хотя бы поверхностно знать права и обычаи преобладающего в Туркестане мусульманского населения. Поколение новых учителей придет в русскую школу с полным неведением в области быта и жизни 98% наших сограждан-мусульман и будет не в состоянии ответить на самые простые вопросы своих учеников о том, как живут и учатся сартовские дети, как их отцы относятся к нам, как мы должны относиться к местному населению, чтобы не нарушать на каждом шагу общепринятых обычаев, сохранению которых наше мусульманское население придает огромное значение. Сам учитель новой школы без этих знаний рискует не только обнаружить свою неосведомленность в этнографических подробностях, подчас сконфузить себя и показаться в глазах местного населения – “би-адат” (“незнающего приличий”), он рискует своими поступками невыгодно охарактеризовать перед мусульманами весь состав преподавателей новой школы» [*Народный университет*, 1918, № 62, 19 июля].

Наиболее полное представление о взглядах Н.С. Лыкошина на систему образования и воспитания дают его публикации тех лет в различных печатных изданиях. Проблемы, которые поднимал автор в своих статьях, можно условно разделить на несколько направлений: воспитание и образование детей дошкольного возраста; труд учителя и меры, необходимые для повышения престижа профессии; учебная литература; организация Туркестанского народного университета и первые итоги его работы.

Огромную роль в строительстве нового общества Н.С. Лыкошин справедливо отводил воспитанию молодого поколения. Особые дискуссии велись в отношении детских площадок, которые выполняли функции современных детских садов. На таких площадках дети дошкольного возраста обоих полов вместе играли, с ними проводились развивающие занятия, готовившие их к школе. Настаивая на необходимости таких площадок, Н.С. Лыкошин перечислял все их плюсы: общение мальчиков и девочек, подготовка детей к школе, совместное выполнение заданий, целенаправленное проведение досуга (в условиях огромного количества беспризорных детей). Нил Сергеевич отмечал, что «новая школа без передней не обойдется, надо же где-нибудь скинуть мокрое платье и покрытые грязью галоши. Именно эту роль, в нравственном смысле, должны сыграть детские учреждения» [*Народный университет*, 1918, № 63, 20 июля].

Н.С. Лыкошин очень высоко оценивал образовательный уровень мусульманских учителей и призывал русских учителей «не уронить достоинства». В то же время он хорошо понимал двойкость русского присутствия в Туркестане: «раньше – были завоевателями, а местное население занимало подчиненное положение. Как же будет трудно теперь, когда в стране провозглашено равенство, нет господствующей нации в автономной республике. Тут уже во много раз нужнее каждому из нас знать, как надо держать себя среди местных народов, чтобы не уронить достоинства. Мы не отстанем от мусульманских учителей» [там же]. Вообще, проблема положения учителей в советском обществе волновала его, особенно низкая заработная плата педагогов. В своих статьях, заметках им были высказаны ряд дельных предложений о том, как улучшить жизнь учителя (а многие из предложений Нила Сергеевича, к сожалению, не потеряли актуальности и теперь): «Виноваты в таком пренебрежении к учителю, всем нам должно быть стыдно, что мы так долго морили в ужасных условиях добросовестного проводника знаний в темную народную среду. Очевидно, только теперь настала пора восстановить право учителя на иную долю и мы совершим гнусное преступление против народа, если при этом не позаботимся о том, чтобы в новой школе были только отличные учителя. Дайте учителю очень хорошее вознаграждение, обставьте жизнь его и его семьи. А затем бракуйте учителей без милосердия, допуская в школу только самых талантливых из них» [*Народный университет*, 1918, № 65].

Главный источник знаний Н.С. Лыкошин видел в книге. В одной из своих статей он поднял вопрос о требованиях, предъявляемых к учебной литературе для детей: соответ-

ствие учебника возрастным особенностям, соответствующий тематический подбор, наличие воспитывающих моментов и, наконец, качество печати: «воспитывая путем чтения душу, не стоит забывать об охране детского зрения».

С вопросами образования он связывал и общую политику бывшей имперской власти в Туркестане: «Русская власть в крае что-то делала, но не все... Мы поступили с ними (с местными народами. – *О.П.*) так же, как прежде правительство поступало с нашим русским народом – т.е. развитие их мы задержали на 50 лет из государственных соображений, потому что о широкой автономии народностей, о праве самоопределения ни у кого в мыслях не было. Мы смотрели на Туркестан как на лучшую жемчужину в российской короне, но не полагали, что ее придется положить на почетную полку в русском народном музее прошлого» [*Туркестанское слово*, 1917, № 9]. Как можно видеть из этих слов, Н.С. Лыкошин достаточно сдержан и самокритичен, а употребление слова «мы» говорит о том, что он сознавал свою сопричастность имперскому прошлому, признавая и свою долю вины.

Основной источник просвещения и воспитания молодого поколения в крае Н.С. Лыкошин видел в открытии в Ташкенте первого университета и всемерно ратовал за открытие в Туркестанском университете Восточного факультета: «Я не ошибался. Стоит решиться вопросу, и с насиженных мест поднимутся талантливые профессора Петрограда и найдут возможность заниматься здесь с местными знатоками востоковедения» [*Народный университет*, 1918, № 55].

Подводя первые итоги деятельности Народного университета, Н.С. Лыкошин тщательно фиксирует допущенные ошибки и упущения. Так, в одной из своих заметок «Не нужен ли самоконтроль?» он предлагает слушателям университета перейти от формы простого слушания – «заглатывания знаний» к осмыслению и закреплению их: «Пищу духовную никак нельзя принимать, не сообразуясь со способностью усвоения. Не следует ли нам самим просить наших преподавателей уделять хоть немного времени на подведение итогов сказанному с университетской кафедры, на самую легкую проверку усвоения пройденного. Слушателям необходимо самим организовывать беседы, рефераты, чтобы проверить усвоенный материал» [*Народный университет*, 1918, № 36]. Он предлагал пересмотреть систему оценок успеваемости студентов, напоминая о положительном опыте недалекого прошлого, когда были «дипломы, чины, ордена»: «Но еще поспори́м, я уверен, подлинная жизнь станет за меня и докажет справедливость моего требования» [*Народный университет*, 1918, № 87, 17 августа].

Первые годы деятельности бывшего имперского губернатора Н.С. Лыкошина в новом – советском – Туркестане показали, что он по-прежнему нужен здесь, нужен как отличный знаток истории и этнографии края, владеющий несколькими восточными языками, педагог и методист по призванию.

Эта полезная, как писал сам Н.С. Лыкошин, деятельность продолжалась до тех пор, пока он не был выдворен за пределы Туркестанского края.

САМАРСКИЕ СКИТАНИЯ

На IX Съезда Советов Туркестанской республики было принято Постановление за № 83 от 26 июля 1921 г. «О высылке из пределов Туркеспублики бывших чинов администрации» [*ЦИА РУз*, ф. Р-17, оп. 1, д. 287, л. 14–15]. Оно гласило, что край должны покинуть «бывшие лица» из числа высшей администрации, уездные начальники, приставы и их помощники, околоточные надзиратели, начальники тюрем и все чины особого корпуса жандармов, а также лица, служившие в качестве городских, тюремных надзирателей, жандармов железных дорог, стражники, письмоводители, переводчики. Также в документе оговаривалось, что эта категория граждан бывшей Российской империи

могла бы остаться в крае при условии достижения ими 50–60-летнего возраста и оставления ими службы не менее чем 10 лет назад до происшедших событий.

Данным постановлением советская власть в Туркестане окончательно закрепила свое отношение к «бывшим» и избрала, как на тот момент представлялось, наиболее удобный способ мирного избавления от представителей побежденных эксплуататорских классов.

За год до принятия данного постановления, осенью 1920 г. начался процесс выселения «бывших» из пределов Туркестана. Среди прочих фамилий был указан Нил Сергеевич Лыкошин⁷.

Высылка из края Н.С. Лыкошина совпала с приездом в Ташкент полномочного представителя ВЧК в Туркестане Г.И. Бокия. Дочь Н.С. Лыкошина напрямую связывала приезд Г.И. Бокия с высылкой своего отца: «Приехал Бокий. Он решил выслать всю администрацию из Туркестана в Россию. В это время в Ташкенте был известный ученый Василий Владимирович Бартольд. Он отправился к Бокию и сказал, что отец не имел никакой связи с администрацией. Но это заступничество не помогло» [ЦГА РУз., ф. Р-2773, оп. 1, д. 1172, л. 78].

По всей видимости, Г.И. Бокий стремился по возможности ускорить процесс «освобождения» края от нежелательных элементов. Архивные материалы свидетельствуют, что высылаемым из Туркестана предоставлялся не такой уж широкий географический выбор, и чаще всего упоминалась именно Самара.

В связи с отъездом Нила Сергеевича вся семья приняла решение переехать вслед за ним. Первой уехала одна из дочерей, Любовь, чтобы встретить отца по приезде в Самару и помочь ему обустроиться на новом месте. Ехать из Ташкента в Самару надо было шесть дней, а бытовые условия в поезде были ужасные. Софья Ниловна так описывала поездку отца: «Встав рано утром, он, прежде всего, подметал вагон. Путешествие проходило мирно. Но была масса паразитов. Все боролись с ними, а он был слеп и, кроме того, очень стеснялся» [ЦГА РУз., ф. Р-2773, оп. 1, д. 1172, л. 78].

В Самаре Н.С. Лыкошину в качестве административного наказания надлежало выполнять работу разносчика корреспонденции. Поражает, конечно, изощренность ума того начальника, который назначил Н.С. Лыкошина⁸, 60 лет от роду, полуслепого, в зиму, бегать как мальчишка по советским учреждениям и разносить бумаги. Но именно таким образом советская власть заставляла «бывших» отрабатывать свое прошлое. Софья Ниловна вспоминала: «Сестра Люба рассказывала, что когда помогла ему раздеться, то увидела, что он был точно исхлестан плетью (судя по всему, тяжелая сумка с корреспонденцией являлась непосильной ношей для Нила Сергеевича). Относились к нему очень дружески (он был совершенно седой с окладистой седой бородой). Его часто угощали кипятком. Как-то я спросила отца: “Какую свою должность он считает самой лучшей?” Он, не задумываясь, ответил: “Последнюю, рассыльного. Много хороших людей я встречал!” Вот тебе и губернатор!» [ЦГА РУз., ф. Р-2773, оп. 1, д. 1172, л. 79].

Большой проблемой в Самаре было найти место для жилья. Первым домом для Лыкошиных стала «неотапливаемая передняя» одного из жилых домов. Однако после окончания срока административного наказания положение Нила Сергеевича намного улучшилось. Он смог устроиться на работу в Осветительный отдел Самарского подотдела коммуникационных предприятий.

Весь самарский период жизни Н.С. Лыкошина – это одни сплошные парадоксы. Бывший военный губернатор разносит почту, живет в коридоре, работает техником.

⁷ Единственное свидетельство того, что именно осенью 1920 г. Лыкошин был выслан, содержится в уже цитированных воспоминаниях его дочери. Оно также подтверждается письмом В.В. Бартольда неизвестному лицу, датированным 14 января 1921 г., где он лестно отзываясь о Ниле Сергеевиче как об ориенталисте и рекомендует его для работы в Самарском университете [ГАСО, ф. Р-28, оп. 1, д. 141, л. 229].

⁸ Нил Сергеевич Лыкошин родился 20 октября 1860 г.

Трудно сказать, как бы сложилась дальнейшая судьба Н.С. Лыкошина в Самаре, если бы не помощь Василия Владимировича Бартольда⁹! Благодаря его живому участию, а также академика В.Н. Перетца, профессора А. Башкирова и других Нил Сергеевич был принят на социально-исторический факультет Самарского государственного университета на должность преподавателя. В качестве педагогической нагрузки ему поручалось преподавание сартовского, киргизского, персидского языков, истории Ближнего Востока, этнографии тюркских народов. На должность преподавателя Н.С. Лыкошин был избран единогласно, и к концу 1922 г. он уже получил должность профессора!

Поражает та энергия, с которой он после стольких мытарств и переживаний включился в работу. В своих докладных записках на имя зав. кафедрой педагогического факультета литературно-художественного отделения Нил Сергеевич настойчиво просит отвести на чтение курса «Туркестановедения» 4 часа в неделю, мотивируя это тем, что «только такое число лекций даст возможность развернуть перед слушателями сжатый очерк жизни Туркестанской Республики, тесно связанной с Самарским краем в историческом и экономическом отношениях. Возможно, что аудитория желающих ознакомиться с Туркестаном не ограничится слушателями одного лишь литературно-художественного отделения, или младшего только курса, поэтому помещение желательно иметь на 40 человек, а лекции двухчасовые, по 2 часа в неделю...» [ГАСО, ф. Р-28, оп. 1, д. 176, л. 1].

Он всеми силами старался сделать свои лекции как можно более интересными, используя различные средства обучения, разыскивая необходимую учебную литературу. Так, он предлагал обратиться в Комиссариат Народного Просвещения Туркестанской республики и попросить выслать в Самару учебные пособия: «Я прошу Вас снести с Комиссариатом Народного Просвещения Туркестанской Республики (гор. Ташкент) о высылке нам 30 экз. «Учебника Узбекского языка», составленного В. Вяткиным в Самарканде. 30 экз. литографированной Сартовской хрестоматии В.П. Наливкина («Тирма Китаб»). Недавно изданный в Ташкенте Туркестанским Восточным институтом учебник М.С. Андреева» [ГАСО, ф. Р-28, оп. 1, д. 141, л. 268].

Нил Сергеевич также разработал программы и лекции по сартовскому языку и туркестановедению. Учитывая, что образование в эти годы было платное, Н.С. Лыкошин добивался от руководства университета открытия бесплатных языковых курсов.

Материалы Государственного архива Самарской области позволяют судить, что руководство университета во всем поддерживало начинания и инициативы Н.С. Лыкошина. Этот человек умел заражать других своей энергией и энтузиазмом. Руководство факультета и сами преподаватели попадали под обаяние Нила Сергеевича. Так возникла идея создания кабинета востоковедения – «Кабинета культуры Ближнего Востока» [ГАСО, ф. Р-28, оп. 1, д. 141, л. 267–267об.].

Вся эта насыщенная и кропотливая работа по улучшению качества преподавания в Самаре происходила на фоне голода и хозяйственных трудностей. Ощущение приносимой пользы, упоение от любимой работы с лихвой компенсировали все перенесенные трудности и лишения.

⁹ Заступничество В.В. Бартольда перед Г.И. Бокием, о котором было сказано выше, с очевидностью показывает, насколько безразлична была этому крупному ученому судьба Н.С. Лыкошина. В Туркестане в 1920 г. это был гражданский поступок – пойти на прием к полномочному представителю ВЧК и доказывать, что назначенный на выселение не враг, – вполне вероятно, это могло отразиться и на судьбе самого В.В. Бартольда. В Самаре же Василий Владимирович приложил максимум усилий, и Лыкошин на первое время был принят на работу в Самарское археологическое общество на должность заведующего хозяйством музея. А когда в 1921 г. к В.В. Бартольду обратились с просьбой порекомендовать ориенталистов для Самарского университета, он незамедлительно назвал Н.С. Лыкошина. Именитый ученый дал ему вполне лестную характеристику: «...превосходный знаток языка и быта сартов. Хотя высшего образования не имеет, и занять кафедры бы не мог, но как практический преподаватель был бы незаменим. Если университет вообще нуждается в таких преподавателях, то не воспользоваться таким случаем было бы грешно» (в тексте подчеркнуто красной ручкой. – О.П.) [ГАСО, ф. Р-28, оп. 1, д. 141, л. 229].

В самарской ссылке Н.С. Лыкошин продолжает оживленную переписку с Н.П. Остроумовым. Тематика писем разнообразна: первые удаchi, город Самара, трудности, связанные с обустройством на новом месте. Письма к Остроумову – это обращение к единомышленнику, способному разделить боль души: «Мне приходится доживать век в родной, но чужой России, где я лишен всего того, к чему успел таки довольно крепко привыкнуть за 40 лет, проведенных в Туркестане» [ЦГА РУз., ф. И-1009, оп. 1, д. 29, лл. 75–77].

Он понимает, что к старости ему придется начинать все заново: «Совсем надо переустроить жизнь на седьмом десятке лет. Последовавшие о нас решения видимо не переменятся. Да и не хочу я больше видеть знойный Туркестан, где Мы вместе так долго изменяли Отчизне. Должно быть, это было не хорошо, и судьба возвратила нас вспять, под нож жизни. Все-таки возвратила!» [ЦГА РУз., ф. И-1009, оп. 1, д. 29, л. 73].

Зимой 1923 г. Нил Сергеевич тяжело заболел. Конечно, здесь сказалось все: и надорванное здоровье в Туркестане, и возраст, и пережитые на старости лет потрясения и невзгоды. У него обнаружили саркому легких. Софья Ниловна вспоминала: «Промучившись 7 месяцев, он умер 4 мая 1923 года. Во время болезни мы (члены семьи. – О.П.) все время читали ему вслух, чтобы отвлечь его. Несмотря на жестокие боли, держался очень мужественно. Похороны были гражданские. Похоронили его на монастырском кладбище [ЦГА РУз., ф. Р-2773, оп. 1, д. 1172, л. 79].

СУДЬБА ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ Н.С. ЛЫКОШИНА

В советской исторической науке востоковеду Н.С. Лыкошину, к сожалению, уделялось мало внимания. Можно отметить лишь три крупных публикации по истории его жизни и научной деятельности в Туркестане [Труды САГУ..., 1957; Лунин, 1965; Левтеева, 1986].

Первыми, кто обратился к научно-историческому наследию Нила Сергеевича Лыкошина, были сотрудники фундаментальной библиотеки и кафедры «Археологии Средней Азии» САГУ. В 1957 г. ими был составлен «Указатель публикаций Н.С. Лыкошина», включавший все имеющиеся статьи, заметки, труды, написанные исследователем с конца XIX по 20-е гг. XX в. Систематизация его работ позволила распределить их по тематическим разделам: нумизматика, этнография, мусульманство, литературные статьи, просвещение, школьное дело, чтение для народа, благотворительность, призрение прокаженных, помощь слепым, взаимопомощь, самопомощь, страхование жизни, перепись населения, сельскохозяйственные промыслы, земельный вопрос, землемерные работы, переселенческое дело, мелкие заметки – хроники Ташкента и других городов – Ура-Тюбе, Чимкент, Ходжент, Джизак, Самарканд, железные дороги, годовщины, празднества, некрологи, библиографии, критические заметки. В ходе этой работы было выявлено около 766 публикаций в различных газетах, журналах, просто отдельных изданиях.

В фундаментальном исследовании отечественного историографа Б.В. Лунина воздается должное Н.С. Лыкошину как туркестановеду [Лунин, 1965]. В его труде «Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении» автор «вернул» науке забытые имена многих туркестановедов: В.Н. Наливкина, Н.П. Остроумова, Н.С. Лыкошина, В.Л. Вяткина и др. Б.В. Лунин не только восстановил биографию Нила Сергеевича, но и дал оценку проводимым им исследованиям, его переводческой деятельности¹⁰, а также уделил внимание оставленному им библиографическому наследию.

¹⁰ Из последних работ, посвященных Н.С. Лыкошину, можно отметить статью британского исследователя Александра Моррисона [Моррисон, 2013], который описал малоизвестный инцидент, связанный с последствиями Андижанского восстания 1898 г., показав при этом роль Нила Сергеевича в его расследовании.

Стоит отметить, что Н.С. Лыкошин очень трепетно относился к своим публикациям. Еще в 1915 г. Нил Сергеевич обратился к туркестанскому генерал-губернатору Ф.В. Мартсону с прошением об опубликовании сборника своих статей. По этому поводу он писал, что «наблюдения свои над жизнью народа я записывал и периодически печатал на столбцах местных газет, преимущественно в “Туркестанских ведомостях”. Вместе с тем зная, как мало живет в памяти газетная статья или заметка, я кропотливо собирал все свои работы и газетные вырезки, аккуратно наклеивал в особые книги, которых за все время накопилось 13¹¹. Сберегая этот материал, я мечтал когда-нибудь на досуге заняться обработкой и напечатанием всех своих статей по этнографии отдельными книгами» [ЦГА РУз., ф. И-1, оп. 28, д. 1473, л. 42].

Однако последующие события 1916–1917 гг. не позволили воплотить в жизнь его мечту.

Сегодня все научно-историческое наследие русского туркестановеда Н.С. Лыкошина, хранящееся в Ташкенте, составляет 8 томов из 14¹²: № 4 (1894), № 5, № 6 (1901–1906), № 8, № 10 (1906), № 13 (1906–1913), № 14 (1917–1919).

В последние годы своей жизни Н.С. Лыкошин очень тревожился о судьбе своих фолиантов. Вместе с ними он отправился в ссылку. За несколько дней до своей кончины, по воспоминаниям дочери Софьи Ниловны, он просил ее переплести книги с вклеенными вырезками из различных статей, отвезти в Ташкент и передать в Государственную библиотеку ее директору Евгению Карловичу Бетгеру.

Софья Ниловна не стала передавать эти уникальные тома в библиотеку: «Я сама служила в массовых библиотеках и стала думать, что мне нужно передать эту работу в Музей¹³, так как я узнала, что Михаил Евгеньевич Массон, которого я знала с детства, работает в музее. Я попросила сына отвезти все эти фолианты и передать ему. Они были переплетены в адрасовые переплеты, что он и сделал. Первый раз, когда я навещала эти работы, все были на месте и целы. Когда я еще через год зашла в этот музей, то оказалось, что двух фолиантов не было и библиотекарь сказал мне, что в правительстве был Цвибак, он взял 2 этих тома, увез их в Москву и больше их не видели» [ЦГА РУз., ф. Р-2499, оп. 1, д. 26, л. 4–5].

Потом из Музея материалы были переданы в библиотеку Института коммунистической партии Узбекистана. Узнав о таком размещении книг, она написала, что «книги попали не по назначению» [ЦГА РУз., ф. Р-2773, оп. 1, д. 754, л. 19об.].

Софья Ниловна очень переживала, что не смогла сохранить в целостности наследие отца. Она отмечала, что кроме этих томов, которые были переданы в Ташкент, была и еще часть рукописного материала, которая «хранилась в плетеной корзинке»: «Я таскала ее за собой, то в Ташкент, то обратно в Куйбышев. Это был 1937 год. Барковского, Таниного мужа (Татьяна – вторая дочь Н.С. Лыкошина. – *О.П.*) взяли. Это был культ эпохи Сталина. Его брат Алексей Александрович стал на меня наседать. Я не могла сопротивляться и своими собственными руками сожгла. Что там было – сказать не могу. Был намечен второй том – «Полжизни в Туркестане», самое ценное, что не попало в I том. Это был остаток, забракованный. Вот почему так тревожусь. Конечно, в годы культа личности не архивы погибали, а миллионы людей, но я себе этого никак простить не могу» [ЦГА РУз., ф. Р-2773, оп. 1, д. 754, л. 24–25].

В своей переписке с Михаилом Евгеньевичем Массоном она постоянно вспоминала этот эпизод и предлагала различные варианты: то обратиться в ЦК и перепечатать про-

¹¹ На 1915 год.

¹² Хотя в своих воспоминаниях Н.С. Лыкошин пишет о 13 томах, но в библиотеке Института стратегических исследований и межрегиональных проблем при Президенте РУз нами был обнаружен один из томов, с указанием № 14.

¹³ Речь идет о Музее народов Узбекистана.

павшие тома на ее же средства, то сдать все это в архив: «Там ими же могут пользоваться. Лунин сказал, что это был бы подвиг» [ЦГА РУз., ф. Р-2773, оп. 1, д. 754, л. 25]. Но этого не случилось, и два утраченных тома пока не найдены. Ныне все восемь томов-фолиантов находятся в библиотеке Института стратегических исследований и межрегиональных проблем.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ / LIST OF ABBREVIATIONS

ГАСО – Государственный архив Самарской области [State Archive of the Samara Region].

САГУ – Среднеазиатский Государственный университет [Central Asian State University].

ЦГА РУз. – Центральный Государственный архив Республики Узбекистан [Central State Archive of the Republic of Uzbekistan].

ЦИК – Центральный Исполнительный комитет [Central Executive Committee].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

ГАСО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 141. Д. 176 [GASO – State Archive of the Samara Region. F. R-28. In. 1. F. 141. F. 176].

Дивана-и-Машраб. Жизнеописание популярнейшего представителя мистицизма в Туркестанском крае. С тюркского перевел и снабдил примечаниями Н.С. Лыкошин. Самарканд: Изд. Самаркандского областного статистического комитета, 1916 [Lykoshin N.S. *Diwan-i-Mashrab. Life-description of the most popular Central Asian mystic*. Translation from the Turkic, with notes. Samarkand, 1916 (in Russian)].

Левтеева Л.Г. Присоединение Средней Азии к России в мемуарных источниках (историография проблемы). Ташкент: Фан, 1986 [Levtееva L.G. *The accession of Central Asia to Russia in memoirs (historiography of the problem)*. Tashkent: Fan, 1986 (in Russian)].

Лунин Б.В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Ташкент: Наука, 1965 [Lunin B.V. *Central Asia in pre-revolutionary and Soviet oriental studies*. Tashkent: Science, 1965 (in Russian)].

Лыкошин Н.С. Автобиография Тамерлана. Пер. с тюркск. с примеч. Ташкент, 1894 [Lykoshin N.S. *Tamerlane's autobiography*. Translation from Turkic with notes. Tashkent, 1894 (in Russian)].

Лыкошин Н.С. История Бухары. Пер. с перс. рукописи Нар-шахи XI века. Ташкент, 1896 [Lykoshin N.S. *The History of Bukhara*. Translation from the Persian manuscript of Nar-Shah of the 11th century. Tashkent, 1896 (in Russian)].

Лыкошин Н.С. Кодекс приличий на Востоке. Пер. с тюркск. по рукописи Мухаммада Садыка Кашгарского. Ташкент, 1894 [Lykoshin N.S. *The code of decency in the East*. Translation from Turkic, according to the manuscript of Muhammad Sadyk Kashgarsky. Tashkent, 1894 (in Russian)].

Лыкошин Н.С. Тарихи Россия-и-кадыми (Первоначальная летопись Соловьева). 1904 [Lykoshin N.S. *Tarihi-Russia-i-kadimi* (Primary chronicle of Solovyov). 1904 (in Russian)].

Лыкошин Н.С. Лекции по этнографии узбеков и их языка, читанные Н.С. Лыкошиным в Туркестанском народном университете. Народный университет. 1918. №№ 8, 18, 35, 36, 40, 42, 45, 47, 50, 53, 61 [Lykoshin N.S. Lectures on the ethnography of Uzbeks and their language, read by N.S. Lykoshin in the Turkestan's People University. *Peoples University*, 1918, No. 8, 18, 35, 36, 40, 42, 45, 47, 50, 53, 61 (in Russian)].

Лыкошин Н.С. Сказка у сартов. Новые вехи. 1918. № 1 [Lykoshin N.S. The Tale of the Sarts. *New Milestones*, 1918, No. 1 (in Russian)].

Лыкошин Н.С. Курсы туркестановедения и сартовский язык. Коммуна. 1922. № 1029 [Lykoshin N.S. The courses of Turkestan studies and the Sartian language. *Коммуна*, 1922, No. 1029] (in Russian).

Лыкошин Н.С. Детское чтение, б.г. [Lykoshin N.S. Detskoe chtenie (Children's reading), b.g.] (in Russian).

Мак-Гахан А.Я. Военные действия на Оксусе и падение Хивы. Пер. с англ. М.: В Университетской типографии (Катков и К°), 1875. [McGahan A.Ya. Military operations on Oxus and the fall of Khiva. Translation from English. M.: In the University Press (Katkov and Co.). 1875 (in Russian)].

Народный университет. 1918. № 2; 1918. № 9; 1918. № 32; 1918. № 36. 16 июня; 1918. № 55; 1918. № 62, 19 июля; 1918. № 63. 20 июля; № 65, 23 июля; 1918. № 74. 2 августа; 1918. № 87, 17 августа [*Narodnii Universitet (People University)*]. 1918. № 2; 1918. № 9; 1918. № 32; 1918. № 36. June 16; 1918. № 55; 1918. № 62, July 19; 1918. № 63. July 20; № 65, July 23; 1918. № 74. August 2; 1918. № 87, August 17] (in Russian).

Наша газета. № 98. 1917. 20 августа [*Nasha gazeta (Our paper)*]. № 98. 1917. August 20] (in Russian).

Просвещение. 1918. № 6; 1918. № 8; 1918. № 22; 1918. № 64 [*Prosvestshenie (The Enlightenment)*]. 1918. № 6; 1918. № 8; 1918. № 22; 1918. № 64] (in Russian).

Труды САГУ. Новая серия. Вып. CXI. *Исторические науки*. Кн. 25. *Археология Средней Азии*. IV. Ташкент, 1957 [*Proceedings of SAGU*. New series. Issue. CXI. *Historical Sciences*. Book 25. *The archeology of Central Asia*. IV. Tashkent, 1957 (in Russian)].

Туркестанское слово. 1917. № 9. [*Turkestan word*. 1917. № 9 (in Russian)]

Улуг Туркистон. 1917. 24 апреля [*The Great Turkestan*. 1917. April 24 (in old Uzbek)].

ЦГА РУз. Ф.И. -1. Оп. 28. Д. 1473 [Ts GA RUz. F.H.-28. In.28. F.1473 (in Russian)].

ЦГА РУз. Р-17. Оп. 1. Д. 287 [Ts GA RUz. F.R.-17. In.1. F.287 (in Russian)].

ЦГА РУз. Ф.И-1009. Оп. 1. Д. 29 [Ts GA RUz. F.H.-1009. In.1. F.29 (in Russian)].

ЦГА РУз. Ф. Р-2499. Оп. 1. Д. 26 [Ts GA RUz. F.R.-2499. In.1. F.26 (in Russian)].

ЦГА РУз. Ф. Р-2773. Оп. 1. Д. 754 [Ts GA RUz. F.R.-2773. In.1. F.754 (in Russian)].

ЦГА РУз. Ф. Р-2773. Оп. 1. Д. 1172 [Ts GA RUz. F.R.-2773. In.1. F.1172 (in Russian)].

ЦГА РУз. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 29 [Ts GA RUz. F.H.-1009. In.1. F.29 (in Russian)].

http://mytashkent.uz/2007/11/06/plan-spetskursa-istoriya-turkestana/#comments_

Morrison, Alexander. Sufism, Panislamism, and Information Panic. Nil Sergeevich Lykoshin and the aftermath of the Andijan Uprising. *Past & Present*. 2012. No. 214. Pp. 255–304.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

<p>ПУГОВКИНА Оксана Геннадьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории при Национальном университете Узбекистана им. Мирзо Улугбека, Ташкент, Узбекистан.</p>	<p>Oksana G. PUGOVKINA – PhD (History), Senior researcher of the Institute of History at National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek. Tashkent, Uzbekistan.</p>
--	---